

From the
heart of the forest.

DEAKNESS

18+

ANTHONY BROWN

Мрачный Поэт

Мрак

«Автор»

2026

Поэт М.

Мрак / М. Поэт — «Автор», 2026

Мой личный сборник, моих собственных стихотворений, которые я хотел бы
выпустить в свет.

© Поэт М., 2026

© Автор, 2026

Мрачный Поэт

Мрак

Карточный Домик

Моя жизнь словно карточный домик,
Я с рождения строю его.
Раз за разом кладу я на столик,
Карту новую дня своего.
Я возвел в этом домике стены,
Карту взяв из колоды забот.
Что-бы не было тени измены,
Я в нем сделал оконный пролёт.
Что-б укрыться от ливней напастей,
Я поставил в нем веры - покров,
Из колоды любви, картой счастья,
Взрастил сад и вот домик готов.
Но однажды взяв карту желаний
И оконный, ей, свет заслонив.
Развалился мой дом от страданий,
Превратившись в руины и миф.
Первой пала в нем крыша из веры,
От дождей стены рухнули в миг.
Позавяли сады от злой серы,
Высох полностью жизни родник.
И теперь нету домика больше,
Я стою под потоком дождей -
Прожигающих скорбью мне кожу,
В размывающем карты ручье.

Ты не познал мучительных ночей.

"Если бы мне, Сатане, было позволено сделать людей святыми и добрыми, я бы почаще отсылал их посмотреть на умирающих и побеседовать с глазу на глаз со смертью."

(Фредерик Сулье - Мемуары Дьявола)

Барон, ты не познал мучительных ночей,
Когда уходит жизнь из милого создания;
Не ведал ты тоски, глубокого страдания
У тела хладного при тусклости свечей.
Не ведал ты, как любящий и светлый взгляд
Мутнеет медленно под пеленой забвения;
Уста смолкают навсегда, и нету утешения
От слов, что больше никогда не прозвучат.
Рукой не трогал ты холодную ладонь,
Что прежде грела лаской теплой;
От боли, что сопровождалась воплем,
Ты не познал отчаяние, Барон.
О, если б мог я людям святость дать,
Я посылал бы смерть как мудрое создание;
В её присутствии рождается познание,
Которое душе даёт смиренья благодать.
Не постижима жизнь для детского сознания,
Но скорбь доступна всем годам.
И смерть — вершительница драм —
Назначит каждому своё свидание.
"Бедное дитя" — слова в последний миг,
Как эхо в памяти, как шёпот на рассвете;
Эжени слышит их сквозь годы, сквозь столетья,
Как нож, что ранит острием своим.
На цыпочках встаёт малышка у одра,
С надеждой робкою и с трепетной мольбою;
Но тишина в ответ встречается с судьбою,
Жестокой, словно зимняя пора.
О, этот страшный час безмолвия и тьмы!
Безжалостный урок, что смерть необратима;
А жизнь уходит прочь невозвратно,
И эхом отдаётся: "Кончено! Увы!"
За плотной ширмою рыданий горький след,
Пустых речей людских дрожащее волнение.
Постигла девочка, как тяжело то мгновение,
В душе храня отца утраченный портрет.
Двух сил извечный спор находит в сердце дом,
В невинном взгляде скрыт печальный свет прозрения:
"Конец приходит всем" — суровое смирение,

И память бережёт любовь под вечным льдом.

Бездна

"Если долго смотреть в бездну - то бездна тоже начинает смотреть
в тебя (Фридрих Ницше)"
Я очень долго смотрел в бездну,
Там тьма крошечная и мрак.
И, в глубине её исчезнув,
Я потерпел душевный крах.
Тянулись дни, сменялись ночи,
В моих глазах лишь пустота.
Как будто разум обесточен,
Погасли вера и мечта.
Из бездны слышны стали звуки,
Как голос трубный и глухой.
Про смерть твердивший и разлуки,
Он был не добрый и не злой.
Твердил про зло и милосердие,
Про легкомысленность и ум.
И, словно исповедь предсмертную,
Я повторял за ним сквозь шум.
Сквозь шум помех, что лишь мешали
Услышать голос, тайну ту.
И начиналось всё сначала —
Со взгляда в бездну, в темноту.

Отражение

Стою пред зеркалом разбитым,
В нем отражение скорбит.
А память словно ниткой сшита,
И нет в ней радостных палитр.
В нем заколдованы навеки,
Черты несчастного лица.
Сменились радостные веки,
На взгляд уставшего глупца.
Он вероятно был счастливым
И жить любил, мечтал, творил.
Но счастье оказалось лживым,
Бороться с этим нету сил.
Не помнит прежнего сияния,
Кто по ту сторону зеркал.
Нет в нем любви, нет сострадания,
Лишь безразличия оскал.
И я смотрю на отражение,
Не вижу боле в нем себя.
Я вижу только наваждение
И взгляд порочного раба.

Поэт и Дьявол

В полночной тишине склонился над листом,
Но мысли тяжелы, как будто цепи.
Ищу слова в молчании пустом,
А вдохновение так немилосердно слепо.
К иконам взор я поднимаю свой:
"О Боже, дай мне силу и прозрень!"
Но небо холодно над скорбной головой,
И нет ответа на моё моление.
"О музы! Вас я призываю вновь!
Коснитесь лиры, что в душе немеет!"
Но тщетно... Стынет в жилах кровь,
И лишь бессилие во мне чернеет.
Вдруг свечи на столе, погаснув, вновь зажглись,
Мерца пламенем тревожным и нездешним.
"Не может быть?" — сказал я — "Покажись!"
И голос низкий прозвучал насмешкой грешной:
"Как ты посмел меня предать, поэт?
Забыть того, кто дал тебе искусство?"
Я вздрогнул, озираясь — никого здесь нет,
И ужас поразил все чувства.
По комнате иду, ища источник слов,
И вижу дым из зеркала струится.
В него взглянув, я встретил взгляд чужой
И всё-ж знакомыми казались те глазницы.
"Кто ты? Зачем явился в дом ко мне?"
Спросил я, стоя перед тёмным ликом.
Я не припомню явь, иль было то во сне,
Когда поддался я твоим интригам?
"Я Дьявол, Сатана, я падший Ангел
И я пришёл к тебе спосить.
Как смеешь ты, ещё так нагло,
О чем то господу молить?
Как смеешь ты, неблагодарный плут,
У ложных муз благословение искать?
Творения твои - моею волею живут
И лишь моя на них стоит печать."
"О чём ты молвишь? — я спросил в ответ. —
Когда успел предать тебя, незванный гость?
Когда сплели мы договора сей сюжет?
В твоих словах лишь ложь и злость."
"Поэт несчастный! — усмехнулся он. —
Твои стихи — не с неба дар священный.
Я дал тебе талант, когда был дух твой сокрушён,
А ты теперь к Творцу взываешь, дерзновенный!

Ты помнишь час, когда терзаемый тоской,
Себя считал бездарным и ненужным?
В первые взял перо дрожащею рукой,
Но был твой стих пустым и неуклюжим.
'Отдам я душу Дьяволу за дар!' —
Ты произнес в отчаянном порыве.
И я явился, той мольбы услышав жар,
В обличье пса, что встретился в долине.
"Ты гладил зверя с робостью святой,
Шепча ему о помощи заветной.
Твой крик прервал безмолвия покой —
Укус скрепил союз наш незаметно.
"Но то нечестно!" — прокричал я в гневе.
"А я далёк от честности давно, —
Ответил Дьявол с холодом в напеве, —
Как, впрочем, и тебе быть честным не дано.
Ты лжёшь родным, в вине топя печали,
Ты любишь лишь себя и стих коварный свой.
Жена и сын — лишь тени в этом зале,
Пред славой, что манит тебя звездой.
Припомни день, или хотя бы час из дня,
Когда ты не писал изящных строчек.
А помнишь ли тепло семейного огня,
Что ты дарил жене и сыну-ангелочку?
Искусно ты косаешься души чужой,
Но к двум сердцам забыл навек дорогу.
Поэт несчастный и давно слепой,
Ты не узришь любви великой - Бога. "
"Всё ложь!" — воскликнул я, сжимая кулаки.
"О нет, — ответил он, — ты сам себе солгал.
Ты жаждал мрака, жаждал адовой реки,
А честности к себе ты так и не познал.
Я, Дьявол, уважаю тьму в себе,
А ты её скрываешь малодушно.
Признайся: ты играешь на судьбе,
А мне служил всегда и так послушно."
"Довольно! — крикнул я. — Оставь меня, уйди!
Нет места для тебя в моей душе!
Господь простит мне слабости мои,
Я отрекаюсь от союза в мираже!"
Он растворился, с ним и дым, в зеркале,
Но голос прозвучал из пустоты:
"Мы встретимся опять, поэт, в финале,
Когда талант покинет вновь листы.
Тогда ты вновь воззвать ко мне решишься,
И я приду, чтоб новый заключить контракт.
Но подписав его, навек души лишишься
Я заберу её как ценный артефакт."

Грешен ли я, Боже?

Грешен ли я, Боже? Да я грешен!
Ведь видел в мире только свет,
Теперь же всё во тьме - ослеп!
Такой исход был неизбежен.
Твердили с детства мне до плешин,
Что этот мир спасёт любовь.
Но каждый день я вижу кровь -
Моих друзей "груз 200" взвешен.
Простых парней, пусть не безгрешных,
Им жить да жить, но прерван путь.
Теперь, увы, их не вернуть,
В слезах, их семьи, безутешных.
И вот вопрос, я им помешан!
Ответь мне, милостивый Бог,
За что ты был так с ними строг?
Зачем забрал к себе поспешно?
Ответ же дал мне твой приспешник,
Мол "не ропщи, "Его" пути
Не исповедать, не пройти,
Так усмири свой дух мятежный."
Но как унять мне боль кромешную,
Когда во снах я вижу "Их",
Израненых и неживых—
И как мне с этим жить как прежде?
Но пусть мой голос будет грешен,
Я всё ж прошу сквозь немоту:
Прими их, Боже, по Христу,
Чтоб каждый был Тобой утешен.

Пустой

Я стал как будто бы пустым,
Давно нет радости и грусти.
Не мёртвым, но и не живым,
Наверно в коме мои чувства.
Я растерял души частицы,
Её талант и благодать.
Теперь как раненная птица,
Стал не способным я летать.
Вокруг лишь холод безразличья,
Застыл в зените тусклый свет.
В плену привычного обличья
Ищу того, кого уж нет.
В груди не сердце — серый камень,
Его не тронет вешний гром.
Погас былой надежды пламень,
Оставив пепел под ребром.
Остыли солнечные дали,
В тумане берег и причал.
Я перестал уже scandalить,
Плевать на все о чем мечтал.
Померкли краски ярких истин,
Слова — пустая шелуха.
Мир стал до ужаса безжизнен,
Ни хороша жизнь, ни плоха.
Ни слёз, ни смеха, ни азарта,
Лишь монотонная печаль.
Как будто в поезде плацкартном,
Еду один, но мне не жаль.

Лунная, тихая ночь.

Лунная, тихая ночь,
Никак не могу уснуть.
Мысли гоню прочь,
Но что то наводит жуть.
Ночь эта длится лет десять
И тёплых, нет, солнца лучей.
На сердце чёрная плесень,
Застит ясность очей.
Сердце стучит барабаном,
А ангел внутри замолчал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.